

В. А. Энтин¹

ЗАЩИТА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРАВА: СТОЛКНОВЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ

1. Девальвация западных ценностей. Основные ценности любого общества находят закрепление в основополагающих документах. Конституция Российской Федерации, исходя из классической либеральной традиции повышенной защиты основополагающих прав и свобод, сосредоточила их в главе второй, оговорив максимально сложный порядок внесения изменений в статьи, определяющие правовой статус личности. В преамбуле Конституции подчеркивается, что многонациональный народ России сознает себя частью мирового сообщества. Развивая это положение, ст. 17 утверждает, что права и свободы человека и гражданина гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, как они закреплены в Конституции. Терминологически в ней содержится прямая отсылка к Декларации прав человека и гражданина, принятой в 1789 году Национальным учредительным собранием, бросившим вызов феодальной Европе бесправия и привилегий. Пункт 4 ст. 29 «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» перекликается со ст. 19 Всеобщей декларации прав человека.

В последний год президентства Дональда Трампа мы наблюдали фактическое отлучение действующего президента от СМИ и Интернета без отрешения его от должности или отставки. На этом фоне выборочное выдавливание российских СМИ из кабельных сетей и Интернета стало предвестником грядущего противостояния, снижения уровня толерантности.

В глобальном мире все логистические цепочки гуманитарных связей взаимообусловлены. Инициированное в США и ЕС информационное огораживание подконтрольной территории стало предшественником мер по отказу в этих странах от традиционных ценностей

конституционализма. На этом фоне усилилось свертывание каналов дипломатического общения. Обозначился отход партнеров России от краеугольных принципов международных отношений, закрепленных в межгосударственных соглашениях, включая заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в Хельсинки главами 35 государств. Действующий в международном праве принцип взаимности предполагает соразмерные меры противодействия внешнему давлению, будь то в информационной сфере или в области безопасности. Приближение к границам России инфраструктуры военного блока, повлекшее принятие ответных мер асимметричного характера, стало триггером катастрофического снижения взаимного доверия. Многолетний саботаж достигнутых договоренностей, демонтаж международных соглашений по контролю над вооружениями привели к обесценению западных обещаний в глазах России.

2. Линия надлома. Традиционный миропорядок, каким он видится из России, миропорядок, основанный на признании законных интересов всех государств и соблюдении норм международного права, на неприкосновенности частной собственности, соблюдении прав человека независимо от гражданства, вероисповедания и политических предпочтений, примата общечеловеческих ценностей, дал глубокую трещину. Применение мер террора времен проскрипций в Древнем Риме и Французской буржуазной революции XIX века, когда неугодных объявляли вне закона (*hors la loi*) и всякий мог безнаказанно отнять у него жизнь и имущество, противоречит всем наработкам в области права, сделанным за годы после Второй мировой войны, нарушает принцип господства права. Тот самый принцип, на неукоснительном соблюдении которого всеми другими настаивают наши западные партнеры.

3. Столкновение ценностных ориентиров. Узкотехнологичный характер современной цифровой экономики, потеря ценностных ориентиров административного регулирования побудили Министерство культуры РФ вынести в феврале 2022 года на обсуждение документ «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В пояснительной записке указывается, что Основы являются межотраслевым документом стратегического планирования. Они служат преодолению последствий глобального ценностного кризиса и утраты присущих человечеству духовно-нравственных ориентиров и моральных

¹ Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи)», «Интеллектуальная собственность в праве Европейского Союза», «Адвокатура и адвокатская деятельность» (в соавт.), «Европейское право. Отрасли права Европейского Союза и Евразийского экономического союза» (в соавт.) и др. Соавтор Закона РФ «О средствах массовой информации». Член Научно-консультативного совета Суда по интеллектуальным правам, Комитета Российского союза промышленников и предпринимателей по интеллектуальной собственности и креативным индустриям. Эксперт ЮНЕСКО по законодательству о СМИ и авторскому праву. Член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Франция). Награжден медалью Федеральной палаты адвокатов РФ «За заслуги в защите прав и свобод граждан».

принципов. Приходится констатировать, что отмеченные кризисные явления еще глубже. Утрата Россией доверия к зарубежным партнерам, отсутствие взаимного понимания мотиваций сказываются на всех сторонах общественной жизни. Расхождение в ценностных ориентирах, нравственных оценках дозволенного поведения в межгосударственных отношениях первоначально ограничивалось интерпретацией положений международного права, но чем дальше, тем больше стало сказываться на прочих правовых дисциплинах.

4. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Оно учредило партнерство между Российской Федерацией с одной стороны и европейскими сообществами и их государствами-членами — с другой. Соглашение, подписанное 24 июня 1994 года на о. Корфу (формально оно продолжает действовать), предполагает развитие масштабного сотрудничества по многочисленным направлениям, перечисленным в одиннадцати разделах. Свертывание сотрудничества делает соглашение фактически утратившим силу, обесценивая вынесенные на его основе прецедентные решения.

5. Установки на превосходство Запада. Почти сразу понимание сотрудничества получило однобокую интерпретацию. Партнеры из ЕС интерпретировали партнерство как наставничество, где учитель может выставлять оценки, поощрять или наказывать нерадивого ученика. Статья 55, где речь шла о сближении законодательств и стремлении России к совместимости своего законодательства с правом ЕС, стала толковаться как обязанность неуклонно следовать за изменениями в практике ЕС. Пока речь шла о вопросах юридической техники интеграционного объединения, техники, наработанной в условиях рыночной экономики, рецепция правовых норм представлялась оправданной.

Но по мере эрозии нравственных ценностей, когда критерием наличия демократии стало выставление напоказ нетрадиционной сексуальной ориентации как в кино, так и в реальной жизни, а право на защиту персональных данных использоваться для сокрытия фактов привлечения к уголовной ответственности, восприятие Россией подходов, свойственных праву ЕС, стало более критическим. Отказ от соблюдения ранее достигнутых договоренностей, топтание на месте и попятные движения резко снизили притягательность правовых моделей, используемых в ЕС. Стремление оградить рынок идей в ЕС от точки зрения политических противников породило волну запретов на аналоговое и интернет-вещание российских СМИ. Асимметричный ответ российского законодательства усилил фрагментацию информационного пространства как в России, так и в ЕС, где стороны не желают слушать и слышать друг друга.

6. Необходимость переосмысления ценностных ориентиров. Расхождение в понимании того, какие действия вписываются в общее правовое поле, а какие — нет, заставляет внимательнее присмотреться к соотношению публичного и частного интереса в области права. До сих пор считалось аксиомой, что самостоятельность участников коммерческого оборота, рыночные законы спроса и предложения играют определяющую роль в функционировании мирового рын-

ка. Оказалось, что это далеко не так. Мировой рынок жестко контролируется странами «Большой семерки» через систему проведения и отслеживания финансовых транзакций в твердой валюте и выдачу разрешений ad hoc на проведение выборочных расчетов с политическими противниками. Границы правового поля действующего миропорядка требуют переосмысления в интересах обретения национального суверенитета.

Бытовавшие ранее академические представления о свободе договора и мере самостоятельности крупных участников хозяйственной деятельности, независимо от страны происхождения, оказались далеки от реальности. Становится очевидным, что действия и поведение физических и юридических лиц, находящихся в публичном поле в силу занимаемого ими положения, оказываются под административным контролем не только национальных властей. Публичных субъектов независимо от гражданства под угрозой применения персональных санкций вынуждают отказываться от работы, прекращать прибыльную деятельность, идти на утрату инвестиций в России. Складывается ситуация, когда сохранение способов и методов производства расчетов в валюте западных стран станет рассматриваться как синоним осознанного подчинения давлению иностранных эмиссионных центров.

Появление виртуальных валют, криптовалют, расширение использования альтернативных способов оплаты товаров и услуг, позволяющих обеспечить анонимность продавца и покупателя, начинают рассматриваться не как признак связи с криминалом, а как благо, позволяющее уйти от иностранного диктата.

7. «Пределы осуществления гражданских прав» — так называется ст. 10 ГК РФ, которая дает возможность отказывать в защите имущественных прав полностью или частично по ограниченному набору оснований. К ним относится использование прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, для действий в обход закона с противоправной целью, для недобросовестного осуществления (злоупотребления) гражданским правом, для ограничения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке. Защита публичного интереса как правовой ориентир в применении статьи отсутствует в законе, но уже начинает присутствовать в судебной практике.

8. Преодоление энтропии. С началом третьего десятилетия XXI века в условиях информационной революции и становления виртуального мира, где оборот нематериальных ценностей в стоимостном выражении существенно превышает стоимость трансферта объектов материального мира, право как антропоцентрический инструмент становится единственным средством поддержания присутствия и защиты интересов человека при использовании результатов его интеллектуальной деятельности.

Такие результаты могут участвовать в гражданском обороте только тогда и постольку, когда и поскольку они получили универсальное правовое признание в международных конвенциях. Сегодня ситуация многократно усложняется сохранением правовой охраны интеллектуальных прав на территории, выходящей за

рамки государственных границ одного государства или группы государств. Обособление режима правовой охраны авторских прав, смежных прав, промышленной собственности и средств индивидуализации в аналоговом, цифровом и виртуальном мире создает объективное препятствие для односторонних действий со стороны западных стран в ущерб правообладателям и пользователям во всем мире.

Вынужденное изъятие в США правовой охраны объектов авторского права и промышленной собствен-

ности из-под действия ограничений на взаимодействие с Россией показывает, что режим охраны интеллектуальной собственности может эффективно действовать либо глобально, либо нигде.

Попытки изоляции России, как это было в начале XX века, противоречат правовому статусу страны как постоянному члену Совета Безопасности ООН и будут выглядеть все менее состоятельными, когда информационные страсти уступят место трезвому анализу реалий.